

Демонический персонаж сказки об Унекер Торлиktу хане The Demonic Character of the Tale of Uneker Torliktu Khan

The Demonic Character in the Tale of Uneker Torliqtu Khan

Б. А. Бичеев (B. Bicheev)¹

¹ доктор философских наук, ведущий научный сотрудник отдела монгольской филологии, Калмыцкий научный центр Российской академии наук (Элиста, Российская Федерация). E-mail: baazr@mail.ru

Ph. D. in Philosophy (Doct. of Philosophical Sc.), Leading Research Associate, Department of Mongolian Philology, Kalmyk Scientific Center of the RAS (Elista, Russian Federation). E-mail: baazr@mail.ru.

Аннотация: «История Унекер Торлиktу хана» — популярное произведение калмыцкой старописьменной литературы, получившее широкое распространение и в устной форме. В данной работе на основе устных вариантов этого текста выявляется влияние письменной традиции на изображении образа демонического персонажа.

Ключевые слова: письменное произведение, устная версия, демонический персонаж.

Abstract. *The History of Uneker Torliqtu Khan* is a popular literary composition of the Old Kalmyk written tradition that got widespread in its oral form. Proceeding from the analysis of some oral versions, the paper reveals the influence of the written tradition on depicting a demonic character.

Keywords: written composition, oral version, demonic character.

В калмыцкой старописьменной литературе есть произведение, которое в сказочной форме восхваляет буддийское учение. Это «История Унекер Торлиktу хана» («Ünekēr Törölkitü xāni tuuĵi orošibo»), которая получила широкое распространение не только в письменной [Сазыкин 1988: № 307–310; Gerelmaa 2005: № 293], но и в устной формах. Известно о восьми вариантах устной версии этого произведения, записанных у калмыцких сказителей в разное время и под разными названиями: «Умкэ Төрлт хан» [Хальмг туульс 1968: 239–247], «Эк уга үлдсн хаана хойр көвүн» [Хальмг туульс 1972: 150–162], «Жижларам шулм күүкн» [Хальмг ту-

ульс 1974:66–71], «Аю Чикт» [НА КалмНЦ РАН. Ф. 3. Оп. 2. Ед. хр. 143. С. 144–152], «Үмкә Төрлгт хан» [НА КалмНЦ РАН. Ф. 3. Оп. 2. Ед. хр. 147. С. 196–204].

Структура как письменного, так и устных вариантов сказочного сюжета, основанного на фольклорном типе 327 А «Злая мачеха» [Андреев 1929], состоит из девяти основных сюжетных элементов:

- 1) благоденствующее государство Унекер Торлику хана;
- 2) ведьма-*шулмуска* насылает смертельную болезнь на жену хана;
- 3) в облике дочери пастуха, ведьма-*шулмуска* становится женой хана;
- 4) мнимая болезнь мачехи-*шулмуски* для умерщвления детей хана;
- 5) спасение детей мудрым министром Аянгү-тушимелем;
- 6) долгий путь и прибытие детей в другую страну;
- 7) женитьба, возвращение и встреча героя с постаревшим министром;
- 8) умерщвление мачехи-*шулмуски*, вызволение отца и подданных;
- 9) перекочевка с подданными в другую страну.

Некоторые элементы этой структуры в устных вариантах обозначены схематично либо вообще отсутствуют. Даже те сказки, в которых сохранились все сюжетные элементы структуры, представляют собой отличные от письменного текста сказочные повествования. Устойчивыми остаются основные персонажи повествования, несмотря на вариацию их имен. Одним из таких персонажей сказки, как видно из вышеприведенной структуры сказки, является демонический образ *шулмуски*. Тем не менее необходимо признать, что влияние письменного источника отразилось на содержании устных вариантов даже в изображении этого демонического персонажа.

В большинстве вариантов сказки сюжетные ситуации, связанные с этим персонажем, выстраиваются в следующей последовательности:

- 1) пятьсот *шулмусок* живут в горах, в стороне от благоденствующей страны Умке Торлику хана;

2) пятьсот *шулмусок* решают разорить эту страну и отправляют для исполнения задуманного самую младшую (или старшую) *шулмуску*, наделив ее злыми чарами;

3) *шулмуска* насылает смертельную болезнь на жену хана и, приняв облик дочери ханского пастуха, становится его женой;

4) мачеха-*шулмуска*, обратившись мнимо больной, пытается умертвить детей хана;

5) подчинив хана, *шулмуска* стала охотиться на его подданных, поедать их печень и сердца;

6) повзрослевший герой возвращается и убивает мачеху-*шулмуску*.

Несмотря на то, что каждая сюжетная ситуация замкнута внутри себя, она структурируется в зависимости от предшествующей ситуации и последующей. Традиционно в сказочных сюжетах, замкнутая внутри себя сюжетная ситуация не зависит от предшествующей и последующей ситуации [Неклюдов 1994: 265]. Остановимся более подробно на переходе от одной сюжетной ситуации к другой, обусловливающей как изменение облика персонажа, так и мотивировку, объясняющую это изменение в сказках, оставшихся в поле влияние письменной литературной традиции.

Первая и вторая сюжетные ситуации связаны с зачином сказки, в которой противопоставляются благоденствующая страна Умке Торлику хана и страдающие от погодных ненастий шулмуски, живущие по соседству в горах. В развернутом виде эта сюжетная ситуация присутствует лишь в трех текстах сказок: «Үмкә Төрлүт хан» (инф. С. Манджигов), «Җижларам шулм күүкн» [Хальмг туульс 1974: 66–71], «Аю Чикт көвүн» [НА КалмНЦ РАН. Ф. 3. Оп. 2. Ед. хр. 143. С. 144–152].

В этих сказках пятьсот *шулмусок* причину своего бедственного положения видят в благоденствии соседней страны. Поэтому на общем совете решают разорить ее. Самая младшая из *шулмусок* (*Ки Ганьдг Алала Бембг, Җижларам*) самостоятельно вызывается на решение этой трудной задачи и просит наделить ее силами и чарами 499 ее старших сестер.

Зачин еще одной сказки об Умке Торлику хане [Ramstedt 1919: 214–237] несколько отличен от вышеуказанных вариантов. В течение

семи лет пятьсот *шулмусок* пытаются нанести вред благоденствующей стране Шамбале, но не достигают успеха, поскольку эта страна находится под защитой перерождения Белой Тары. Тогда их взоры обращаются на другую благоденствующую страну, которой правит Умке Торликут хан. Эта страна также оказывается недоступной им, поскольку на ее защите стоит жена хана, являющаяся перерождением Зеленой Тары и дочерью Белой Тары. Тогда они наделяют своими злыми чарами одну из своих *шулмусок*.

Более разнообразно выстраивается третья сюжетная ситуация. В некоторых сказках для того, чтобы попасть в страну Умке Торликут хана и наслать смертельную болезнь на его жену *шулмуске* приходится преодолевать, казалось бы, непреодолимые трудности. Жена хана, перерождение Зеленой Тары, обладает чудесной силой и даром ясновидения. Поэтому *шулмуске* предстоит выбрать такой момент, когда она будет беззащитна.

Например, в сказке, записанной Г. Й. Рамстедтом, в течение семи дней ей не удастся воплотить свой злой умысел. В этот момент в сюжетной ситуации сказки неожиданно появляется зловещий *шулмус* Гамба Гюнзег, который помогает ей наслать на ханшу смертельную болезнь. Интересно, что этого демонического персонажа нет ни в одном из известных вариантов этой сказки, неизвестен он и письменной версии произведения. По совету этого зловещего персонажа *шулмуска* насылает смертельную болезнь на ханшу в предрассветных сумерках.

В другой калмыцкой сказке, «Үмкэ Төрлт хан» [Хальмг туульс 1968: 239–247], это также происходит на рассвете, когда ханша выходит на улицу по надобности с расстегнутым воротом и без головного убора, *шулмуска*, затаившаяся над дверью, сверху насылает на нее смертельную болезнь. В этой части устного повествования присутствует комментарий рассказчика, который объясняет народное представление о том, что человек, нарушивший запрет и вышедший за порог дома во внеурочное время без головного убора и с расстегнутым воротом, может подвергнуться болезни, насланной нечистой силой.

Затем *шулмуска* целенаправленно обращается в дочь ханского пастуха, поскольку понимает, что рано или поздно ханше будут

искать замену. Эта обращение во всех сказочных сюжетах описано одинаково. Встретив в лесу девушку, пасущую телят, она умерщвляет ее и вселяется в ее тело. С этого момента дочь пастуха превращается в прекрасную девушку, что приводит в изумление даже ее престарелых родителей. В одной из калмыцких сказок [Ramstedt 1919: 214–237] отец девушки высказывает мнение о том, что в его дочь вселилась *шулмуска* и ее надо убить.

Во всех сказочных сюжетах, несмотря на предупреждение об опасности жениться на дочери пастуха, в которую вселилась *шулмуска*, хан, плененный ее чарами, берет ее в жены. Правитель также обладает чудесной силой и даром ясновидения, но стоит ему попробовать простоквашу, поднесенную красавицей-*шулмуской*, или приблизится на расстояние действия ее злых чар, он лишается своего чудесного дара и полностью подчиняется злой воле.

В четвертой и пятой сюжетных ситуациях мачеха-*шулмуска*, обратившись мнимобольной, требует для своего выздоровления легкие и сердца сына и дочери хана, которые представляют для нее смертельную опасность. После бегства детей в другую страну *шулмуска* со своими сестрами устраивают охоту на подданных хана, поедая их легкие (печень) и сердца. Эта пятая сюжетная ситуация в содержании сказки раскрывается рассказом старого министра о случившемся в стране вернувшемуся домой повзрослевшему сыну хана.

Согласно этому повествованию, ежедневно *шулмуска* отправляется на охоту на восходе солнца и возвращается на закате дня, подвесив на одном клыке мясо ста человек, на другом — мясо еще ста человек. Она варит это мясо, ест его и кормит им хана. Затем, вытянув свой длинный клюв и напившись кровью хана, она засыпает. Именно в этот момент она теряет свои злые чары, и для того чтобы ввести в заблуждение врага, во сне она приговаривает: «Я еще не уснула». Герой повествования, воспользовавшись этим моментом, отрубает ей голову.

Во всех вариантах калмыцкой сказки указывается на то, что просто так убить *шулмуску* нельзя. Необходимо получить на это разрешение хана. Поскольку отец под влиянием злых чар находится в полуживом состоянии, в устном варианте герой произносит свою

просьбу, обращаясь к одеянию отца, затем одевает одеяние хана и сам же дает себе положительный ответ. Более убедительно это действие описано в письменном варианте. Герой кладет ханскую тиару на престол и трижды просит разрешения убить мачеху-шулмуску. Затем надевает ханскую тиару на себя, садится на ханский престол и трижды дает положительный ответ на свою же просьбу.

Появление героя во дворце отца всегда сопровождается его идентификацией *шулмуской*. Вернувшись с охоты с добычей, она чувствует его присутствие. В содержании всех сказочных сюжетов это передается в виде устоявшейся формулы: «Фу, фу! Духом таракана-вонючки запахло» (*Үмкэ цогц хорхан үнр һарад бээнэ; Оңһдг хорхан үнр һарад бээнэ*). Такая своеобразная идентификация героя свидетельствует о его силе и опасности для демонических персонажей.

Как всякий демонический персонаж, *шулмуска* неуязвима для обычного оружия и способна к регенерации отрубленных частей тела. Поэтому герой отрубает спящей *шулмуске* голову мечом своего отца проговаривая при этом формулу, что не он отрубает ей голову, а меч отца. Отрубленная голова и туловище шулмуски продолжают нападать на героя. Нейтрализация этих частей тела происходит с помощью кожаных мешков, сшитых женой героя. Затем тело шулмуски сжигается, а пепел закапывается и придавливается огромным камнем.

Таким образом, из содержания калмыцких сказок видно, что образ демонического персонажа отличается от сложившейся в фольклоре традиции изображения таких персонажей. Логика действия демонического персонажа в каждой последующей сюжетной ситуации обусловлена предыдущей ситуацией, что вообще не характерно для устной традиции. В калмыцких сказках отсутствует описание внешнего вида *шулмуски*, за исключением сюжетов, уже далеко отошедших и утративших связь с изначальной письменной формой произведения. К примеру, в сказке «Жижларам шулм күүкн» она описывается в виде огромной недюжинной силы *шулмуски*, у которой джейраньи ноги, медный клюв и заброшенные крест-накрест за плечи длинные груди (*Генткн одак герген, дарк, күмн эәһэд үкх өңгтэ, зеер шилвтэ, зес хоңшарта, кецэн холвад эм деерэн хайчкхн,*

хамг юм энд-тендэн дүүждлн шилвэд орад ирнэ) [Хальмг туульс 1974: 66–71].

Более устойчивое изображение этого персонажа сохранилось в устных вариантах этой сказки у синьцзянских калмыков. Творческая фантазия синьцзянских сказителей находит выражение в развитии всех шести сюжетных ситуаций. При этом часть сказок по своему содержанию очень близка к письменной версии, но отличается образностью языка, насыщенного характерными для устных произведений художественными приемами, и требует отдельного исследования.

Источники

- НА КалмНИЦ РАН — Научный архив КалмНИЦ РАН.
Хальмг туульс. II боть. Элст: Хальмг дегтр haphач, 1968. 266 с.
Хальмг туульс. III боть. Элст: Хальмг дегтр haphач, 1972. 252 с.
Хальмг туульс. IV боть. Элст: Хальмг дегтр haphач, 1974. 274 с.
Ramstedt G. Kalmückische Sprachproben, gesammelt und hrsg. von G. J. Ramstedt. 1 Teil. Helsingfors, 1909. 2 Teil. Helsingfors, 1919. 154 + 83 s.

Sources

- Kalmyk Fairy Tales. Vol. II. Elista: Kalm.Book Publ., 1968. 266 p. (In Kalm.)
Kalmyk Fairy Tales. Vol. III. Elista: Kalm.Book Publ., 1972. 252 p. (In Kalm.)
Kalmyk Fairy Tales. Vol. IV. Elista: Kalm.Book Publ., 1974. 274 p. (In Kalm.)
Ramstedt G. Kalmyk Speech Samples, Collected and Published. by G. J. Ramstedt. Part 1. Helsingfors, 1909. Part 2. Helsingfors, 1919. 154 + 83 p. (In Germ.)
Scientific Archive of Kalmyk Scientific Center of the RAS. (In Kalm.)

Литература

- Андреев Н. П.* Указатель сказочных сюжетов по системе Аарне. Л.: Государственное Русское географическое общество, 1929. 118 с.
Неклюдов С. Ю. Экскурс в область монгольской демонологии: автокомментарий эпического сказителя // Знак. Сборник статей по лингвистике, семиотике и поэтике. Памяти А. Н. Журина. М.: Русский учебный центр МС, 1994. С. 262–268.
Сазыкин А. Г. Каталог монгольских рукописей и ксилографов Института Востоковедения АН СССР: в 3 т. М.: Наука, 1988. Т. 1. 507 с.
Gerelmaa G. Brief Catalogy of Oirat Manuscripts Kept by Institute of Language and Literature bu Gerelmaa Guruuchin. Хэл зохиолын хүрээлэнгийн тод үсгийн номын товч бүртгэл. Ulaanbaatar, 2005. 270 p.

References

- Andreev N. P. Index of Fairy Tales according to the Aarne System. Leningrad: State Russian Geographical Society, 1929. 118 p. (In Russ.)
Gerelmaa G. Brief Catalogy of Oirat Manuscripts Kept by Institute of Language and Literature. Ulaanbaatar, 2005. 270 p. (In Eng.)
Neklyudov S. Yu. Excursion to Mongolian Demonology Area: Autocommentary of an Epic Narrator. In: Sign. Collection of Articles on Linguistics, Semiotics and Poetics. In Memory of A. N. Zhurinsky. Moscow: Russian Training Centre Internatioanl Cooperation, 1994. Pp. 262–268. (In Russ.)
Sazykin A. G. Catalogue of Mongolian Manuscripts and Xylographs of the Institute of Oriental Studies of the USSR Academy of Sciences. In 3 vol. Vol. 1. Moscow: Nauka, 1988. 507 p. (In Russ.)